

**БУДУЩЕЕ
ПОСТАМЕРИКАНСКОГО
ИРАКА**

Стране грозят
междоусобица и распад

02

НОВЫЙ ОБЛИК ИСТРЕБИТЕЛЯ-ВETERАНА

Проведена глубокая модернизация
проверенного временем самолета Су-27

06

Т-72 ПРОТИВ «МЕРКАВЫ»

Загадки танковых боев
в Ливане летом 1982 года

10–11

ТЕМА

Продолжение на стр. 04

ЛЕТОПИСЬ 12-го ГУ МО В БИОГРАФИЯХ НАЧАЛЬНИКОВ ЭТОГО УПРАВЛЕНИЯ

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА» ЯДЕРНОГО ГЛАВКА

Начальник 12-го ГУ МО
генерал-полковник
Владимир ВЕРХОВЦЕВ

Коллаж Андрея СЕДЫХ (фото Леонид ЯКУТИНА)

РАКУРС

БАТАЛЬОН ДОМУШНИКОВ

Михаил ХОДАРЕНОК

Уже через считанные месяцы после окончания войны – в августе 2008 года в отечественных и зарубежных СМИ начали появляться материалы, повествующие о том, сколь быстро и эффективно идет возрождение вооруженных сил Грузии, потерпевших сокрушительное поражение в боях против Российской армии и ВМФ РФ. Нет, поклонники Михаила Саакашвили у нас в стране и за ее пределами не заявляли, что он вновь намерен решить проблему Южной Осетии и Абхазии военным путем. Но при этом, как правило, не устали подчеркивать, что боеготовность грузинских войск возрастает день ото дня. Ныне же, судя по ряду комментариев, военный потенциал Тбилиси полностью восстановлен. Грузинская армия оснащена очень хорошо. А Михаил Саакашвили сейчас делает ставку на молодых амбициозных генералов и офицеров, которые поддерживают курс своего президента на построение современных вооруженных сил.

Правда, нельзя не отметить, что этого Саакашвили добивался и до начала операции «Чистое поле» в Южной Осетии, которая, напомним, привела к военному столкновению между Грузией и Россией. Причем тогда в строительстве вооруженных сил были вложены совершенно немалые по меркам небольшого государства деньги. По западным лекалам и при помощи западных инструкторов практически на пустом месте удалось создать фактически новую армию – образцово обмундированную и оснащенную. Однако столь убедительно выглядевшая на парадах, она при первых же серьезных испытаниях разбежалась самым позорным образом, бросая оружие и боевую технику.

К настоящему времени, утверждают некоторые эксперты, в Грузии сформирована, так сказать, «вторая новая армия». И на это, надо полагать, затрачены не меньшие, а даже существенно большие средства, чем до «пятидневной войны». Но вот вопрос: почему Саакашвили и его соратники не спускают на ассигнования для удовлетворения нужд вооруженных сил? Неужели верят в грядущую и неизбежную российскую агрессию? Вряд ли. В Тбилиси прекрасно понимают, что Москва не пойдет на разрыв с Западом ради осуществления химерических имперских планов. Значит, не исключена в принципе очередная попытка силой вернуть бывшие автономии (а теперь независимые государства)? Что ж, на сей счет, возможно, есть иллюзии как у экспертного сообщества, так и у самих грузинских руководителей, что иначе как самообманом назвать нельзя.

В грузинскую армию (на закупку оружия, техники, обмундирования, снаряжения) можно вбухать еще сотни миллионов долларов. Однако ни за какие деньги нельзя добиться всего лишь одного – высокой боеспособности. То есть (разумеется, говоря до определенной степени образно) представить себе ситуацию, когда грузинские солдаты в траншеях переднего края после огневой подготовки примыкают штыки к штурмовым винтовкам и с кличем «С Богом! За Грузию! Вперед!» бросаются в атаку, очень трудно при любых обстоятельствах.

Вот это никак грузинским солдатам не давалось ни в недавнем, ни в отдаленном прошлом. Примеры из первого хорошо известны. А что касается фактов из второго, то тут достаточно вспомнить лишь один из них – служебную записку Сталину нестигаемого большевика, твердого последователя пролетарского интернационализма (согласно которому все люди братья и равны между собой) Льва Мехлиса после майских боев 1942 года в Крыму. В ней он так охарактеризовал боевые качества соединений, укомплектованных закавказскими национальностями, что все советское время сей документ цитировать считалось крайне неприличным (справедливость оценок достопамятной записки Льва Захаровича в полном объеме подтвердилась в ходе войны 8.08.08). С той поры и до конца Великой Отечественной один из ведущих политработников Красной армии Мехлис определял боеспособность дивизий РККА по числу в них русских, украинцев и белорусов...

...Команда Саакашвили вольно вкладывать в создание своей армии любые средства. Но все это будут напрасные бюджетные траты. Положительного результата не получится, поскольку желание пролить кровь за родину, сражаться на поле боя насмерть купить на рынке нельзя. Данные качества воспитываются в нациях веками. Вот почему вернуть Абхазию и Южную Осетию военным путем Тбилиси не удастся.

Грузинское руководство может, конечно, гипотетически договориться с какой-либо третьей силой и закупить боеспособные контингенты на стороне. Но в этом случае наемники после решения проблемы утраченных земель военным путем попутно завоюют и независимую Грузию.

Поэтому объективно Тбилиси в состоянии насолить Москве только одним – отправкой в Россию все новых и новых криминальных шаек (барсеточников, домущников, уличных грабителей). В Первопрестольную и другие крупные города РФ нескончаемым потоком прибывают уголовники из Закавказья. Это единственные грузинские формирования, на которых современная российская власть пока не нашла должной управы.

ВЕРНЫМ КУРСОМ

«БУЯН» НАЗВАЛИ «ГРАД СВЯЯЖСК»

На Зеленодольском заводе им. Горького заложены на стапеле головной малый ракетный корабль проекта 21631 для ВМФ России.

Планируется выпустить серию кораблей данного проекта. Завод выиграл тендер на строительство малого ракетного корабля (МКР) проекта 21631 среди девяти предприятий судостроительной отрасли. С учетом головного заказа в Зеленодольске построят пять кораблей. Министр обороны РФ Анатолий Сердюков 26 мая утвердил контракт на строительство этой серии.

«Град Свяаяжск» – это ракетный вариант малого артиллерийского корабля (МАК) проекта 21630 (типа «Буян»). В отличие от своего артиллерийского двойника в прессе он получил название «Зубастый Буян» (официально – «Буян-М»).

Это уникальный многоцелевой корабль класса «река-море», не имеющий аналогов в мире. Основное назначение МКР – борьба

с боевыми надводными кораблями. Его водоизмещение составит 949 тонн, длина – 74,1 метра, ширина – 11 метров, высота на миделе – 6,57 метра, осадка – 2,6 метра, скорость – 25 узлов. Он получит современное ракетное и артиллерийское вооружение, а также средства радиоэлектронного противодействия.

МКР войдет в состав Каспийской флотилии и ему будет присвоено символическое для Республики Татарстан наименование «Град Свяаяжск» (связано с одноименной крепостью, воздвигнутой на острове на Волге Иваном Грозным в XVI веке).

Генеральный директор завода Ренат Мистахов убежден, что предприятие под силу выполнять самые современные заказы. В июле на сдаточную базу в Кронштадт, а затем в Балтийск был отправлен первый фрегат проекта «Гепард-3.9», а недавно на Балтику ушел второй такой же корабль для ВМС Вьетнама.

ПЕРСОНА

КТО ПРЕПЯТСТВУЕТ НОРМАЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ НА АФРИКАНСКОМ РОГЕ

Читайте материал на стр. 09

ПРОВЕРЕНЫ НА МАНЕВРАХ

БМД-4М и «Спрут» – технический костяк современных российских десантных войск

26 августа в рамках недельных учений на нескольких полигонах в Костромской, Ивановской и Ярославской областях состоялся полевой тест-драйв новых моделей боевой техники ВДВ.

Так, на костромском полигоне впервые прошло десантирование экипажей на модернизированных БМД-4М. Выброска проходила в непростых метеословиях. Тяжелые Ил-76 были еле видны в пелене облаков. БМД-4М успешно приземлилась и ринулась в разворачивающийся «бой». За ее действиями пристально следили командовании

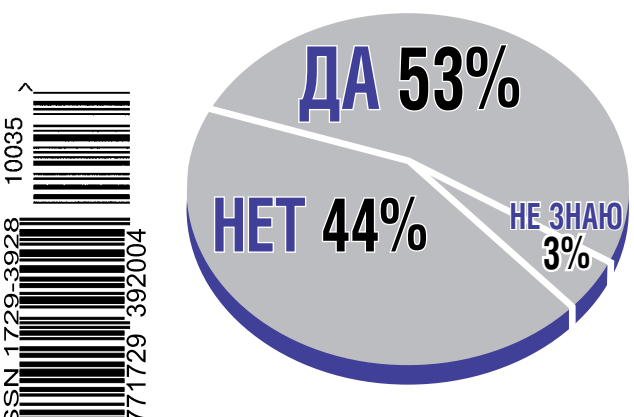
ВДВ и первые лица машиностроительной группы «Концерн «Тракторные заводы», куда входит единственный в РФ и странах СНГ производитель данного вида техники – ОАО «Курганмашзавод». Проведенное обследование машины показало, что приземление прошло успешно. Кстати, на борту БМД находился командир 98-й воздушно-десантной дивизии Алексей Рогозин. «Личные ощущения вполне нормальные, машина комфортна для экипажа при выполнении поставленных боевых задач», – сказал он.

Следующим этапом учений стало форсирование водных преград. БМД-4М и самоходная противотанковая пушка «Спрут-СД», которую выпускает другое специализированное предприятие концерна – Волгоградский тракторный завод, успешно преодолели русло реки и озеро. Причем машины не только плыли, но и вели прицельный огонь по «противнику».

«БМД 4-М и «Спрут» – технический костяк современных российских десантных войск. НИОКР должны быть направлены на создание войск нового типа, способных решать задачи на любом стратегическом направлении», – подчеркнул при подведении итогов тест-драйва командующий ВДВ генерал-лейтенант Владимир Шаманов.

Результаты опроса посетителей сайта www.vpk-news.ru

Победит ли «Мистраль» в тендере на поставку вертолетоносцев для ВМФ России?

ТЕМА

Кавад РАИШ

Но если исчезают «известные люди», то что же говорить о людях, институтах, воинских частях, которые десятилетиями были насмерть засекречены не только от «супостата», но и от родного народа. Именно это произошло с подвижниками ядерного дела, общенациональными чудо-богатырями — офицерами и генералами 12-го Главного управления Министерства обороны (12-го ГУ МО), самого грозного главка державы, который в скальных подземельях хранит атомные заряды, следит за их сохранностью и доставляет к стратегическим ракетам, подводным крейсерам и бомбардировщикам.

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ

4 сентября 1947 года — вот дата рождения нынешнего 12-го Главного управления Министерства обороны. Правда, тогда первое структурное подразделение в военном ведомстве, занимавшееся ядерным оружием, назвали Специальным отделом Генерального штаба. Поэтому 4 сентября — праздник для всех, кто связан с ядерным главком, о котором поют «12-й главк — та же Россия, только больше порядка чуть-чуть».

Первым начальником Спецотдела был назначен генерал-майор инженерных войск Болятко Виктор Анисимович, просвещенный органами до седьмого колена и найденный безукоризненно чистым.

На генерал-майора Болятко возложено осуществление единой военно-технической политики во всех видах и родах войск Вооруженных Сил для разработки, испытаний, хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов. Генералу Болятко сорок лет. Он в расцвете сил, полон энергии, а за плечами его служба в Генеральном штабе на ответственных участках в течение десяти лет вместе с напряженными годами Отечественной войны.

Службу начал Виктор Анисимович в 1928 году 22-летним парнем и сразу в рядах знаменитой кавалерийской дивизии имени Котовского в городе Бердичеве. Чувствуя призвание к инженерному делу, он поступает в Военно-инженерную академию и по ее окончании распределяется в подмосковный поселок Нахабино в Военный научно-исследовательский институт инженерной техники РККА.

Виктор Болятко обладал счастливым свойством привлекать внимание ясностью и широтой мышления при врожденной точности формулировок.

Нахабино часто посещали крупные военачальники. На Болятко не мог не обратить внимания нарком обороны «первый маршал» Климент Ворошилов и распорядился перевести дельного офицера в Генеральный штаб по части фортификации и оборонительных сооружений. Виктор Анисимович и в Генеральном штабе не затерялся. О нем с похвалой отзывался генерал С. М. Штеменко, а маршал Б. М. Шапошников настоял на учебе перспективного офицера в Академии Генерального штаба.

Генерал-лейтенант Болятко вошел в историю как создатель 12-го ГУ МО и первый организатор освоения флотом и армией ядерного оружия с негласным титулом «первый ядерщик Вооруженных Сил».

Первым атомщиком на Военно-морском флоте стал вице-адмирал Петр Фомина — человек редкой одаренности и беззаветной честности. Его вклад в создание атомного полигона на Новой Земле был столь велик, что ставился вопрос о переименовании главного городка на архипелаге Новая Земля в город Петрофоминск.

И Болятко, и Фомина отличали широта кругозора, прямота и верность делу. Как-то главком ВМФ адмирал С. Г. Горшков упрекнул Фомина: «Вы и Болятко денег не считаете». Имелось в виду строительство мощно укрепленных баз ядерного оружия, которые неспособно пробить даже прямое попадание атомной бомбы. Многолетняя безаварийная эксплуатация ядерных зарядов на этих могучих базах подтвердила верность инженерного кругозора Болятко и Фомина.

Необходимость централизации хранения и эксплуатации ядерного оружия лучше всех, пожалуй, осознавал заместитель министра обороны маршал артиллерии М. И. Неделин, первый главком нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). По его докладной министру обороны маршалу Р. Я. Малиновскому появилась директива Генерального штаба об образовании 12-го Главного управления Министерства обороны (12-го ГУ МО). Первым начальником его был назначен генерал-лейтенант В. А. Болятко, за плечами которого уже более чем десятилетняя страда по хранению и эксплуатации ядерных зарядов. 12-м ГУ МО Болятко руководил с 1959 по 1965 год.

Таким образом, эксплуатацией ядерного оружия он занимался 18 лет и всегда на первых ролях.

БЕЗ ПРЕСЛОВУТОГО АВОСЬ

Разумнее всего изучать историю 12-го ГУ МО по деяниям прежде всего начальников ядерного главка. Они выполняют все директивы власти, отвечают за безопасность, а главное — подбирают офицерские кадры и влияют на общую политику и атмосферу главка. Кроме того, как правило, на смену начальнику 12-го ГУ МО обычно заступал его первый заместитель, утверждая преемственность традиций. После генерала Болятко 12-м ГУ МО с 1965 по 1974 год руководил его первый заместитель — генерал Егоров Николай Павлович — «пионер эксплуатации ядерных зарядов».

Егоров родился в 1907 году. В 1928-м уроженец деревни Денисьево на Смоленщине поступает в Ленинградскую кавалерийскую школу. В 1932-м он уже на кавалерийском отделении Московских курсов переподготовки командного состава. Казалось бы, что может быть общего у конницы с физическими проблемами? Но пылкий кавалерист Егоров служил в саперном эскадроне и в 1937 году поступает в Военно-электротехническую академию РККА, а после ее окончания направляется в Военно-воздушные силы.

В 1951 году при Первом Главном управлении Совета министров СССР создается отдел военной приемки, куда и поступает инженер-полковник Николай Егоров. Здесь он возглавляет отдел специальной приемки деталей, узлов, механизмов и материалов для первых образцов авиационных атомных бомб.

В 1953 году образовано могучее Министерство среднего машиностроения, которое целиком занято атомным делом страны. Через четыре года руководителем этого сверхминистерства назначат Славского Ефима Павловича, который будет занимать этот пост до самой «горбачевской перестройки».

Сперва в суперсекретном Среднемаше Николаю Егорову доверят одну из важнейших должностей в Главном управлении приборостроения. С приходом Славского в министерстве появляется Главное управление комплектации и его начальником становится генерал-майор инженерно-технической службы Николай Егоров. Причем отбор в организацию с прозаическим названием «Главкомлекст» военных инженеров был не менее строгим, чем в отряд космонавтов. Кроме высокой профессиональной выучки от офицеров требовались непоколебимая честность, характер, деловитость.

Военная приемка и контроль — в известном смысле душа деятельности офицеров 12-го ГУ МО. Именно это обеспечило высочайшую надежность наших ядерных зарядов и порядок на базах хранения. Роль в этом деле генерала Николая Егорова невозможно переоценить.

Став начальником 12-го ГУ МО, генерал Егоров исключительное внимание уделял надежности боеготовности и боеспособности ядерного оружия. При активном участии Егорова разработано поколение контрольно-стендовой аппаратуры, способной обеспечить проведение регламентных работ и проверок в полевых условиях с минимальной затратой времени. В несколько раз был увеличен гарантийный срок службы ядерных боеприпасов.

Генерал-полковник Егоров хорошо разбирался в людях и умело подбирал кадры. Его сослуживец генерал-лейтенант Н. К. Белобородов вспоминал: «Понимаю, что достижение безотказности и безопасности ядерного оружия зависит прежде всего от людей, он в основу работы с техникой положил

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА» ЯДЕРНОГО ГЛАВКА

«Известные люди исчезают у нас, не оставляя следов», — заметил как-то А. С. Пушкин с невыразимой горечью. Поэт по обыкновению с внешней простотой коснулся, возможно, веками порождавшей все смуты, все раздоры и даже распады государства.

культ документации, исполнительности дисциплины, высокой технической культуры».

В 12-м ГУ МО истребили пресловутое авось.

«СПАСИБО БОЙЧУКУ!»

«Создатель ядерно-технических войск» — так именуют третьего начальника 12-го ГУ МО маршала артиллерии Е. В. Бойчука. Он командовал главком одиннадцать лет — с 1974 по 1985 год — время бурного развития ядерных сил и достижения паритета с Соединенными Штатами.

Путь Ефима Васильевича к военным вершинам поучителен. Родился 24 декабря 1918 года на Украине, в Хмельницкой области, в селе Охимовицы. В 1939-м окончил артиллерийское училище. Войну начал командиром батареи, затем был начальником штаба артиллерийского полка. Великую Отечественную Ефим Бойчук завершил офицером штаба артиллерии фронта. Его ум и боевитость оценили по достоинству. После Победы он командует артиллерийским полком. В 1955–1957 годах — начальник Камышинского артиллерийского училища.

Гвардейцы реактивной артиллерии были на особом счету, когда стали создаваться Ракетные войска. Как Ефим Васильевич оказался с 1957 года на должности командира соединения межконтинентальных ракет.

Кадровая политика времен Сталина была еще в полной силе. Военный отдел ЦК выявлял всех умных, честных и твердых офицеров. Такой кадр, как Бойчук, был всегда на примете. В 1960 году его перевели в Генеральный штаб да еще в Главное оперативное управление. Интеллектуально Бойчук вырос в Генеральном штабе с его мощью и горизонтом.

Когда в 1974 году Ефима Васильевича назначили начальником 12-го ГУ МО, он был уже и генерал-полковником, и первым заместителем начальника Оперативного управления. Как ракетчик он в Генштабе курировал вопросы ракетно-ядерные. Все генеральские звания Бойчук заслужил активной работой в «мозоге армии» в течение 14 напряженных лет.

Семидесятые годы, которые пошляки называют «застоем», были периодом героических и интенсивных усилий страны в создании всех видов вооружений. Именно в этот великий «брежневский период» мы добились примерного равновесия с США.

Имеющееся ядерное оружие необходимо было хранить, готовить к бою и доставить его по назначению при любых обстоятельствах, даже в случае начала атомной, не дай бог, войны. Вот эту задачу должен был обеспечить Вооруженным Силам маршал артиллерии Ефим Васильевич Бойчук, создатель ядерно-технических войск.

Когда в 1985 году Бойчук завершил свою страду в 12-м ГУ МО, ядерные арсеналы США и СССР достигли буквально умопомрачительных объемов и составили с каждой стороны до 25–30 тысяч ядерных боеприпасов. Таков был «застой», хотя гонка вооружений тяжким бременем ложилась на страну.

Маршал артиллерии Бойчук оставил свой пост в 1985 году. В воздухе «пахло» перестройкой, а самому 12-му ГУ МО было 35 лет. За эти годы ядерным главком управляли три генерала. Сами офицеры шутили пели: «Здоровье в порядке — спасибо Болятке!», «Жили здорово — спасибо Егорову!», «А сейчас мы начеку — спасибо Бойчуку!».

ТАНКИСТ И РАКЕТЧИК

Четвертым начальником 12-го ГУ МО в 1985 году стал генерал-полковник Владимир Иванович Герасимов. Он по биографии отличался от своих предшественников и был уже человеком послевоенной формации.

Родился 19 сентября 1931 года в поселке Лебяжье Курганской области. В армию пошел в 1949-м. Владимир Герасимов определили в танковые войска, овеянные славой грандиозных битв Великой Отечественной. Страна залечивала раны, но в душах молодых танкистов еще звучали «гимнические» победные струны в окрылявших словах: «Время огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный

поход». Напев этот оказался для Владимира Герасимова непреодолимым, и он в 1961 году окончил с золотой медалью Военную академию бронетанковых войск.

В ту пору офицер не всегда распоряжался своей судьбой. Капитан-танкист Герасимов следующую четверть века проведет в РВСН и закончит здесь службу командующим 31-й ракетной армией.

Ноябрь 1985 года. На должность начальника 12-го ГУ МО заступил генерал-полковник Владимир Иванович Герасимов. Танкист и ракетчик на ядерном главке державы — такого еще не было в 12-м ГУ МО. Три его предшественника не только фронтовики, но еще и офицеры, получившие генеральские звания в суровой школе Генерального штаба. Как сказали бы в церкви, «там они несли послушание».

Времена неумолимо менялись. В сердце трех ставяныхских народов взорвался Чернобыль, который совпал с перестройкой. Никто не был против обновления жизни, которую Горбачев обещал буквально «облагородить». Но военные безошибочным инстинктом почувствовали в нем чужака. Ставропольский «комбайнер» выступал перед военными с каким-то нервным смятением, не мог подобрать тон и размахивал руками чаще обычного. Мы в панике стали выводить из Германии войска, резать стратегические самолеты и уничтожать чудо-ракеты «Пионер».

Но 12-й ГУ МО на то и ядерный главк, что должен выполнять свою службу в любых обстоятельствах, даже в случае атомной войны, и не терять зоркости и присутствия духа ни от Чернобыля, ни от перестройки и даже ни от последующего распада государства. Генерал-полковник Герасимов управлял 12-м ГУ МО семь лет. Когда он уволился в 1992 году, Советского Союза уже не существовало. Можете себе представить, какие семь лет выпали на его долю. Из карты 12-го ГУ МО исчезло много объектов, в том числе и Семипалатинский полигон в Казахстане.

ИДЕОЛОГ И ОРГАНИЗАТОР

Так оценивали сослуживцы вклад в развитие 12-го ГУ МО его пятого начальника — генерал-полковника Евгения Петровича Маслина, который командовал ядерным главком пять ответственных лет. До этого Евгений Петрович три года (да еще какие три года!) — с 1989 по 1992-й прослужил первым заместителем предыдущего начальника — В. И. Герасимова.

Маслин — выпускник 1959 года Академии связи имени С. М. Буденного. Молодому лейтенанту нет и 22 лет. Родился 20 мая 1937 года в селе Ново-Томниково на Тамбовщине, там и школу окончил.

Генерал-полковник Маслин — единственный начальник 12-го ГУ МО, который начал здесь службу и, став генерал-полковником, возглавил ставший ему родным ядерный главк. Начинал он с должности инженера отдела в 1959 году и прошел путь до командира центральной базы ядерного оружия. В апреле 1989-го назначается первым заместителем тогдашнего начальника 12-го ГУ МО генерал-полковника Герасимова и через три года возглавляет главк. Впервые у руководства становится офицер, который на собственной «шкуре» испытал все пути и секреты хранения и эксплуатации страшного оружия.

На годы службы генерала Маслина пришлось смутное, переходное время с распадом государства, зловещими вспышками терроризма и голодоманием офицерских семей.

На слушаниях в Государственной думе в ноябре 1996 года начальник инспекции государственного надзора за безопасностью ядерного оружия генерал-майор В. Н. Обаревич говорил: «Я вообще не представляю, как живут люди, в частности в Министерстве обороны. У людей нет денег, людям не на что жить. Майор, который завтра идет на техническое обслуживание ядерного боеприпаса, теряет сознание от голода. Как обслуживать ядерные боеприпасы! А ведь это боеприпас, для которого нужны еще и расходные материалы. На эти расходные материалы денег тем более нет. Мы дошли до того, что у нас нет для офицеров тапочек, чтобы ходить в зале технического обслуживания (он не имеет права ходить в своей обуви). Мы дошли «до

ручки». Мы надеялись на то, что положение каким-то образом улучшится, а как я понимаю, положение ухудшается».

Генерал Обаревич не сгустил краски. Действительность была хуже. Выплату денежного содержания задерживали по два-три месяца. Компенсацию взамен продовольственного пайка не выплачивали. Из-за отсутствия денег забыли об отпусках. Отрезанных от мира в секретных базах людей съедали тоска и безвестность. Жены офицеров освоили выпечку хлеба. Порой выручали только земельные участки и дары леса. Обострились проблемы с жильем.

Но хуже всего была опасность потери ядерных зарядов или их захват террористами. Уже гремел боями Кавказ, куда хлынули фанатики из-за рубежа.

Сам начальник главка генерал-полковник Маслин так вспоминал о беспечном ротожестве 60-х годов: «Тогда ядерные боеприпасы мы отправляли в Восточную Европу в таких же вагонах, в которых гнали цемент, железо и крупу. Новое время требовало бдительности и кардинальных изменений. Своих защитных средств перевозки ядерных зарядов у нас не было. Пришлось просить на Западе бронированные чехлы, суперконтейнеры и новые компьютерные системы. Получили от американцев сто особых грузовых железнодорожных вагонов, пятнадцать вагонов охраны, 4520 бронечехлов, 150 суперконтейнера».

Офицеры ядерного главка с первого дня стали по сути безвестными национальными героями. Они при самых мрачных обстоятельствах не позволили себе ни ропота, ни нытья. Они сознавали, что от ядерного оружия, которое им доверили, в существенной степени зависит судьба их родного народа и государства.

Такая воинская доля выпала генерал-полковнику Маслину и его сослуживцам. После распада СССР под его руководством была успешно решена проблема сохранения ядерного арсенала России, обеспечен высокий уровень безопасности эксплуатации ядерных боеприпасов.

«НОВЫЙ ИВАН КАЛИТА»

Шестым начальником ядерного Главка судьба в лице высшего начальства избрала генерала Вальнкина Игоря Николаевича в 1997 году. Но до этого ему выпало жесточайшее испытание на должности первого заместителя начальника 12-го ГУ МО. Случилось это в 1992-м — с первого года постсоветской России после распада СССР, что само по себе многое объясняет. Ни одному начальнику главка с 1947 года не досталось спокойной жизни. Но то, что досталось ядерщикам после 1991-го, не испытывал никто ни в стране, ни в мире в целом.

Игорь Николаевич Вальнкин родился 16 октября 1942 года на станции Вербье Маловишерского района Ленинградской области. В Вооруженных Силах с 1960-го, со дня поступления в Серпуховское высшее командно-инженерное училище, которое и поныне является ведущим инженерным институтом Ракетных войск. В 1965 году началась служба лейтенанта Игоря Вальнкина в РВСН.

Талантливый офицер с характером и вкусом к дисциплине не затерялся в среде «стратегов». Через 17 лет он уже командует 13-й ракетной дивизией (1982–1984). Позже одаренный командир назначается начальником ядерного управления (1989–1992) Ракетных войск стратегического назначения. Так он стал как бы специалистом по нештатным и грозным ситуациям в масштабах страны.

Уже после сверхважной должности начальника ядерного управления Вальнкин оканчивает Военную академию им. Ф. Э. Дзержинского, ныне Военную академию РВСН имени Петра Великого, а затем и Военную академию Генерального штаба.

С 1992 года генерал Вальнкин — в 12-м ГУ МО, сначала в качестве первого заместителя, а с сентября 1997-го — руководителя главка.

Время тогда в Вооруженных Силах было, можно сказать, «ракетное». Министром обороны стал впервые в истории главком РВСН Игорь Сергеев, первый маршал новой России. Последнее обстоятельство травмировало многих сухопутных военачальников. У них едва зарубцевались раны после назначения демократами на должность министра обороны сначала летчика Шапошникова, а потом десантника Грачева. Таковы были новые времена перемен. Но ядерное оружие не любит встрясок и непродуманности. Лучшие всех это понимали «стратеги»-министры и такие люди, как Вальнкин.

Ему было предопределено место первого лица в 12-м ГУ МО. Что же выпало на долю генерала Вальнкина с того дня, когда он так появился в должности первого заместителя в 1992 году? Сухой перечень задач сам по себе впечатляет. Требовалось собрать в республиках, охваченных смутой, переделами, терроризмом, все ядерные заряды и вывезти в Россию, ту страну, которая и создала их.

Став начальником главка, Вальнкин продолжил интеграцию оружия и стал сосредоточивать в 12-м ГУ МО ядерные заряды из всех видов и родов войск под единое командование главка. Эта деятельность — отдельная эпопея. Здесь Игорь Николаевич весьма условно выступил в роли «ядерного Ивана Калиты», который собрал русские земли вокруг Москвы.

Пришло время и надо было часть зарядов утилизировать. За этим казенным термином кроется опасная и филигранная работа, ибо разобрать и разложить ядерный боезаряд даже труднее, чем его собрать. Особой проблемой для ядерщиков явилось создание умной, надежной системы охраны секретных объектов для исключения даже попыток проникновения террористов. А еще на долю генерала Вальнкина выпала задача полного восстановления после деградации и забвения ядерного полигона на архипелаге Новая Земля.

НЫНЕШНИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Час генерал-полковника Верховцева пробил 19 декабря 2005 года. С должности начальника штаба — первого заместителя начальника 12-го Главного управления (1998–2005) он назначается начальником 12-го ГУ МО, которым руководит и поныне. Справедливости ради следует отметить, что генерал Верховцев, став в 50 лет начальником главка, уже 16 лет находился на ядерном направлении высокого уровня, появившись в Главном оперативном управлении Генерального штаба в 1989 году. Когда генерал Вальнкин занял должность первого заместителя в 12-м ГУ МО, Верховцев уже три года курировал ядерное направление Генерального штаба Вооруженных Сил.

Владимир Николаевич Верховцев родился 27 января 1955 года в поселке Ляль-Микар Джарнурганского района Сурхан-Дарьинской области Узбекистана в семье геолога. В 1972-м — курсант нынешней Военной академии РВСН имени Петра Великого. Учился он увлеченно, одновременно выступая за сборную вуза по баскетболу. Начиная службу лейтенант Верховцев в сборочных бригадах и штабах на объектах Главного управления Сибирского и Московского военных округов.

В настоящее время в период выхода Вооруженных Сил на новый облик деятельность генерал-полковника Верховцева направлена на безусловное поддержание соединений и воинских частей 12-го ГУ МО в постоянной боевой готовности, обеспечение сохранности ядерного боезапаса и повышение ядерной безопасности...

...К сожалению, секретность и скромность офицеров-ядерщиков до сих пор скрывают от нас подробности их суровой жизни на объектах. Увы, из-за строгих режимных ограничений многие поколения военных атомщиков были обделены вниманием общества, а их неосцимаемая роль в судьбе Отечества в должной мере еще не оценена. А роль эта и чрезвычайная, и подвижническая. Без ядерного меча не могло бы существовать наше государство. Народ должен знать, кому он обязан жизнью на Земле.

Жизнь и дела свидетельствуют, что за 63 года в «велико-лепной семерке» начальников 12-го ГУ МО не было ни одного заурядного генерала или посредственного руководителя.

Я намеренно выделил первых лиц главка и убежден, что они по самоотверженности, скромности и верности делу некие собирательные образы своих сослуживцев.

АНАЛИЗ

*Виталий ШЛЫКОВ,
председатель Комиссии
по политике безопасности
и экспертизе
военного законодательства
Общественного совета
при Минобороны России*

Возникла абсурдная ситуация. Советская экономика давно уже перевыполнила задания Сталина по производству стали, угля и нефти, которые он поставил в 1946 году с тем, чтобы оградить СССР «от всяких случайностей». И тем не менее она испытывала дефицит во всех этих материалах и стремилась произвести их как можно больше. В то же самое время колхозные поля на территории всей страны были усыпаны многими миллионами тонн металлолома от сломанных тракторов, тогда как заводы ускоренными темпами увеличивали их производство, хотя СССР накануне своего краха выпускал тракторов в 6–7 раз больше, чем США. Промышленное оборудование и машины из года в год становились все более металлоемкими. Водители грузовых автомобилей сливали в канавы миллионы тонн горячего только для того, чтобы избавиться от него, доказать, что они выполнили план по километражу, и тем самым заработать несколько дополнительных рублей (их зарплата зависела от достигнутого километража, а последний должен был соответствовать количеству затраченного горючего). Вдоль железных дорог громоздились горы гибнущих под дождем удобрений, в то время как производительность сельского хозяйства непрерывно падала.

Такой парадокс можно, впрочем, легко понять, если учитывать, что фабрики по производству удобрений строились и поддерживались в действующем состоянии в первую очередь в качестве резервной базы для боеприпасной промышленности. В отчаянии от всего этого многие экономисты приходили к выводу, что расточительство представляет собой неотъемлемую часть всякого централизованного планирования и что единственным способом избавления от этого безумия являются либерализация цен и предоставление свободы рыночной стихии.

При этом они не учитывали, что во время Второй мировой войны советская промышленность действовала вполне эффективно и, возможно, даже менее расточительно, чем, к примеру, германская.

**ПОЧЕМУ
СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА
БЫЛА РАСТОЧИТЕЛЬНОЙ?**

Причины невероятной затратности экономики СССР становятся много понятнее, если принять во внимание мобилизационную систему страны в то время.

Хотя подлинные масштабы советских мобилизационных приготовлений к будущей войне в 60–80-х годах до сих пор остаются тщательно охраняемой тайной, можно смело предположить, что они были близки к советским представлениям о мобилизационных возможностях США, с которыми Советский Союз стремился достичь паритета по всему диапазону военных усилий. Если взять оценки Генерального штаба американских мобилизационных возможностей за базу для расчетов, то используя таблицы межотраслевого баланса, можно приблизительно оценить то количество металла, нефти, каучука и других материалов, которые Госплан считал необходимым для производства всего того вооружения, которое было предусмотрено мобилизационными планами Генштаба.

Я уверен, что полученные при этом гигантские цифры поражают воображение. И они объясняют многое из того, что происходило в экономике СССР.

Во-первых, станет ясным, что оборонная промышленность выпускала в мирное время большое количество вооружения и военной техники просто для поддержания «теплой» производственной базы, позволявшей быстрее выйти на полную мощность в случае мобилизации.

Во-вторых, они объясняют подлинные причины постоянного роста доли гражданской продукции внутри самой оборонной промышленности. Удовлетворение потребительских нужд населения никогда не было решающим мотивом создания и развития гражданского сектора в рамках ВПК. Его существование объяснялось двумя основными целями: с одной стороны, он должен был служить готовым к немедленному использованию резервуаром дополнительной рабочей силы, оборудова-

В МОБИЛИЗАЦИОННОМ ДУГАРЕ

Продолжение.
Начало в №№ 19, 21, 27, 28

ния и производственных площадей для ускорения мобилизации в случае войны, а с другой — предназначался для субсидирования за счет своих прибылей производства вооружения и искусственного занижения стоимости военной продукции. Именно в этом крылась одна из причин мнимой дешевизны советского оружия.

В «дефицитной» советской экономике никого не беспокоили низкое качество и убогий внешний вид гражданских изделий, выпускавшихся оборонными предприятиями. Потребителю приходилось их покупать за неимением лучшего. Естественно, что ВПК ревниво оберегал свою монополию на производство товаров длительного пользования (телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин и т. д.), оправдываясь необходимостью поддержания мобилизационной базы.

В-третьих, в интересах мобилизационной готовности предприятия часто были вынуждены держать более высокий по сравнению с потребностями мирного времени уровень по причинам технологического порядка, ибо многие процессы (выплавка алюминия, производство кокса) требуют обеспечения непрерывного цикла.

Наглядным примером служит алюминиевая промышленность. В настоящее время Россия ежегодно выплавляет почти 4 млн тонн алюминия, в то время как внутреннее потребление не превышает нескольких сот тысяч тонн в год. Весь остальной идет на экспорт. СССР производил 4 млн тонн алюминия в год, однако вывоз его как стратегического металла был запрещен. Некоторая часть выплавляемого алюминия использовалась в военном производстве, но основная его масса шла на производство низкокачественных изделий или просто в металлолом. Объяснялось подобное расточительство необходимостью поддержания алюминиевой промышленности в состоянии постоянной готовности для удовлетворения огромного скачка использования этого металла в военных целях в случае мобилизации, когда самолеты будут выпускаться уже не тысячами, а десятками тысяч.

По той же причине в СССР в избыточном количестве производились сталь, титан, магний и другие металлы, а также станки и даже транспортные средства. То есть на деле экономика СССР была экономической перепроизводства, а не дефицита.

Весьма сомнительно, что в последние десятилетия советское руководство понимало все происходящее в экономике и во сколько обходится поддержание высокого уровня мобилизационной готовности. Вполне очевидно: оно отдавало себе отчет в том, что отсутствие развитого потребительского сектора вследствие хронической нехватки ресурсов на гражданские нужды имело негативные последствия для населения и сдерживало экономическое развитие. Поэтому время от времени разрабатывались амбициозные проекты удовлетворения потребностей гражданского населения (в сельском хозяйстве, жилищном строительстве, выпуске потребительских товаров и т. д.), на которые выделялись огромные финансовые средства (в 1989 году субсидии сельскому хозяйству составили 90 млрд

Огромной ошибкой, унаследованной новой Россией от СССР, стала экономика с креном развития сырьевых отраслей и сохранение избыточных производственных мощностей. Окончательно советскую систему мобилизационной подготовки экономики в 60–80-х годах подорвали и довели в конце концов до полного краха (вместе со всей экономикой) не появление новых высокотехнологичных и требующих длительных сроков изготовления и дорогостоящих систем оружия и даже не СОИ, а непомерные требования Минобороны и Генштаба в отношении увеличения мобилизационных мощностей по производству традиционного вооружения.

рублей, в четыре раза больше, чем официальные расходы на оборону).

Однако в реальной действительности громогласно объявляемые смены приоритетов развития (от группы «А» к группе «Б», если использовать лексику Госплана) в пользу потребительских товаров и услуг сводились к перераспределению «дутых» инвестиционных рублей.

Подобные новые цели устанавливались без отказа от старых (поддержание мобилизационных мощностей, разработка современных вооружений на базе высоких технологий, массовое производство нового, все более сложного вооружения). Они не отменяли принятую практику распределения ресурсов и не ликвидировали существующую систему приоритетов. А это означало, что в реальной жизни вся система управления экономикой, как и прежде, ориентировалась на воспроизводство этих самых приоритетов, то есть на подготовку к войне.

Более того, такие неуклюжие попытки повышения жизненного уровня населения приводили к ухудшению общей ситуации в стране, так как они вели к дополнительным неэффективным затратам материальных и людских ресурсов. Их следствием также был огромный рост незавершенных строительных объектов, количество которых в последние годы существования СССР исчислялось сотнями тысяч. Таким образом, каждый новый год вел к росту реальных или мнимых дефицитов и связанной с ними скрытой инфляции.

Как и прежде, оборонный сектор сохранял приоритетный доступ ко всем качественным видам ресурсов — квалифицированной рабочей силе, лучшим ученым, новейшим технологиям, гарантированным поставкам других ресурсов по субсидированному ценам.

Исследования, проведенные Институтом народнохозяйственного прогнозирования Академии наук СССР в конце 80-х годов, свидетельствуют, что если бы вся продукция советского машиностроения была оценена по мировым рыночным ценам, то оказалось бы, что доля вооружения составила бы более 60% этой продукции, а доля товаров народного потребления не превысила бы 5%.

Эти цифры показывают, что уровень милитаризации советского машиностроения был феноменально высоким.

Однако, к сожалению, эти выводы Института народнохозяйственного прогнозирования или были проигнорированы большинством официальных лиц и экономистов, или некритически цитировались (и до сих пор цитируются) как доказательство того, что машиностроение расходовало на военное производство 60% физических ресурсов (то есть металла, энергии, рабочей силы, производственного оборудования и т. д.).

СТРУКТУРНЫЙ ДИСБАЛАНС

Совершенно ясно, что высокий уровень милитаризации машиностроительной промышленности объяснялся в первую очередь чрезвычайно

низкой производительностью гражданского сектора этой отрасли. Это явилось следствием того, что в течение более чем полувека все лучшие технологии, материальные и людские ресурсы направлялись именно в военные и связанные с ними отрасли, в то время как гражданские производство и инфраструктура обречались на частичную или полную неэффективность. Отсталость гражданского сектора была прямо пропорциональна тем ресурсам, которые отрывались от него в пользу производства военного. Такая экономика может обменивать свои продукты только на принудительной или некоммерческой основе через прямое распределение ресурсов по искусственно установленным ценам. Другими словами, она может функционировать только в случае неприятия законов рыночной системы. Если эту экономику внезапно перевести на цены, соответствующие или приближающиеся к мировым, то весь строй технологических связей внутри нее неизбежно в конечном итоге рухнет. И это как раз то, что мы наблюдаем в России на протяжении последних двадцати лет.

Подобное искажение экономики, когда она не реагирует на такие монетаристские меры, как сокращение военных закупок, и не допускает перелива ресурсов из военного производства в гражданский сектор, представляет собой структурную милитаризацию в отличие от обычной милитаризации, которая может быть измерена долей военных расходов и военного производства в национальном бюджете, ВВП и т. д. В структурно милитаризованной экономике можно вообще прекратить всякие закупки вооружения, и тем не менее столь решительный шаг не приведет к автоматическому или с помощью «невидимой руки рынка» росту эффективности гражданского сектора или иным заметным переменам к лучшему в экономике. Более того, экономическая ситуация в такой стране может даже ухудшиться.

Объясняется этот парадокс тем фактом, что в структурно милитаризованной экономике основное расточительство (перепроизводство) ресурсов происходит не столько в оборонном секторе, сколько в так называемой гражданской экономике.

Ввиду крайней запущенности гражданской экономики даже простое поддержание, не говоря уже о модернизации, гражданского сектора тре-

бовало несравненно большего, чем собственно в военном производстве, количества первичных ресурсов: сырья, энергии, строительных мощностей. Для того чтобы сохранить свое убогое сельское хозяйство, Советский Союз был вынужден производить в несколько раз больше тракторов и удобрений, чем США. Если верить Михаилу Маленю, занимавшему в первые годы президентства Бориса Ельцина пост его советника по вопросам оборонной конверсии, только один металлургический комплекс потреблял больше ресурсов, чем военная промышленность с ее шестью миллионами рабочих и служащих.

Экономика подобного типа совершенно неизвестна на Западе, где сокращение оборонных расходов рано или поздно приводит к переливу ресурсов из военного в гражданский сектор. Проводящие конверсию европейские страны находятся в более выгодном положении, так как они могут опереться в процессе конверсии на функционирующие рынки капитала и устоявшуюся систему рыночных цен. Они также располагают многочисленными специалистами для оказания различных посреднических услуг и т. д. Люди имеют возможность сменить место работы и проживания, приобрести другую специальность. Рынок позволяет без особого труда продать с аукциона новым владельцам здания и оборудование бывших оборонных предприятий, а также землю, на которой они находятся. Таким образом, оборонная конверсия на Западе носит диффузный характер. Падение спроса в одном месте в конечном итоге компенсируется его ростом в каком-то другом.

К сожалению, необходимость демонтажа структурно милитаризованной экономики была проигнорирована российскими экономистами-реформаторами.

Их наиболее очевидными ошибками стали твердая убежденность в способности денег сыграть решающую роль в перестройке российской экономики и вера в возможность управления ею с помощью одной только бюджетной и кредитной политики. Действительно, соблазнительно использовать финансовые индикаторы для подведения итогов экономического развития и формулирования его перспектив, вместо того чтобы разбираться в сложных деталях и проблемах технологических и структурных дисбалансов между гражданским и военным секторами экономики. Более того, практика использования финансовых индикаторов в качестве ориентиров экономической политики принята во всем мире и не слишком сложна в интеллектуальном и административном отношении ввиду наличия большого числа готовых и проверенных на практике рецептов.

Однако одной из самых больших ошибок экономистов-реформаторов, на мой взгляд, стала неспособность понять и устранить основное препятствие на пути ликвидации структурных дисбалансов в российской экономике — унаследованную новой Россией от СССР систему мобилизационной подготовки к ее креном на развитие сырьевых отраслей и сохранение избыточных производственных мощностей.

«Наша экономика перестала быть директивно-плановой, а мобилизационные планы действуют еще со времен царя Гороха», — констатировал президент Владимир Путин при обсуждении состояния мобилизационной готовности на заседании Совета безопасности РФ 27 ноября 2001 года. Лишь на Совете обороны в ноябре 1997-го выяснилось, что вплоть до этого времени основным руководящим документом по мобилизационной подготовке российской экономики оставался разработанный в 1986 году советский мобплан, в котором, в частности, были заложены поставки вооружения в так называемый расчетный год (то есть год после начала мобилизации) армиям давно ушедшего Варшавского договора. А этот мобилизационный план, как заявил после заседания Совета обороны тогдашний председатель правительства Виктор Черномырдин, затрагивал 100 процентов предприятий и организаций.

“ В «дефицитной» советской экономике никого не беспокоили низкое качество и убогий внешний вид гражданских изделий, выпускавшихся «оборонкой». Потребителю приходилось их покупать за неимением лучшего ”

Коллаж Андрея Седаха